

"Миз Терехов здесь, сэр," - сказал сопровождающий мичман и адмирал Аугустус Хумало обошел свой стол, протянув руку, когда элегантно одетая рыжеволосая женщина вошла в его дневную каюту.

"Миз Терехов!" - сказал он, когда ее тонкая рука исчезла в его гораздо более массивной. "Не могу сказать, как я рад встретиться с вами."

Его тон, отметила Шинейд, был искренним. Но в нем был оттенок, предполагавший, что его удовольствие видеть ее может не быть совершенно идеальным.

"Адмирал," - ответила она и улыбнулась ему, затем повернулась к своей сопровождающей из причального отсека и тоже пожала ей руку. "Спасибо, что так хорошо позаботилась обо мне, миз Питтман," - сказала она, и молодая женщина улыбнулась, затем повернулась к адмиралу, привлекая к себе внимание. Он кивнул, отпуская ее и она скрылась за дверью, когда Шинейд повернулась к Хумало.

"Айварс не очень долго был дома, прежде чем его отправили сюда, но он говорил мне, как он уважает - и ценит, - вашу реакцию на его действия в Моники," - сказала она. "И я просмотрела все сообщения новостных каналов. Так что, прежде чем мы скажем что-нибудь еще, позвольте мне рассказать вам, что я очень благодарна за ваше решение поддержать его." Она покачала головой. "Вы знаете, я из флотских семей с обеих сторон. Поэтому я точно понимаю, какой риск вы приняли на себя, когда делали это."

"Ой, ну," - высокий, мощно сложенный адмирал казаясь сконфуженным, он похлопал ее по руке, прежде чем отпустить, взял ее локоть и направил ее к старомодному, неавтоматизированному, но греховно удобному дивану в углу большого помещения.

"На самом деле не было никакого выбора," - сказал он, усаживая ее, затем опустившись в кресло напротив. "Я имею в виду, что его логика была убедительна, он проявил огромное количество морального мужества, действуя согласно своим выводам, и если бы он был прав, - а я полагал, что это так - тогда было необходимо принять быстрые, решительные меры." Он криво усмехнулся. "На самом деле он уже принял решительные меры, и, несомненно, было легче поддержать его после этого, чем делать те же решения вместо него."

"Даже если это правда, это нисколько не умаляет морального мужества, которое потребовалось, чтобы полностью поддержать его, как только вы попали туда." Шинейд снова покачала головой. "И это было не совсем "после факта", так как вы понятия не имели, что произошло, как могут отреагировать солли, или когда - или если - вы получите подкрепление из дома. Я признаю, что я горжусь Айварсом, но не умаляйте себя, адмирал. Я уверяю вас, Айварс никогда не будет делать этого."

Хумало улыбнулся и признательно кивнул головой в благодарность, но его карие глаза были пристальны, когда он откинулся на спинку своего кресла.

"Я ценю это," - сказал он, "- но хотя я очень рад видеть вас здесь, на борту Геркулеса, я удивлен. Никто не предупредил никого из нас, что вы прибудете."

"Это потому, что я решила приехать только после Удара Яваты," - ответила она, ее зеленые глаза потемнели, и он кивнул.

"Я предположил, что это так," - тихо сказал он, "- и я не могу сказать, как я был лично огорчен

тем, что случилось с Гексапумой. Я знаю, что мы потеряли много других кораблей, много других людей, но она была ... особенной. Для многих людей здесь, не только для меня." Он печально покачал головой. "Но я боюсь, что Айварс отправлен в Монтану, а не в Шпиндель."

"Капитан Льюис уже поделилась этой информацией со мной." Шинейд пожала плечами. "Мы заметили, когда пришли, что в Шпинделе сейчас очень мало военных кораблей."

"Нет, нет. Честно говоря, нас достаточно мало, и я хотел бы оставить здесь некоторые корабли капитана Грирсона. Думаю, однако, что адмирал Капарелли прав. Адмирал Золотой Пик нуждается в них сильнее, чем я."

"Я уверена, что это так," - сказала она. "И хотя я надеюсь, что мы будем здесь, в Шпинделе, достаточно долго, чтобы возобновить мое знакомство с баронессой Медузой, я очень хочу догнать Айварса."

"Я понимаю," - сказал он, и снова что-то мелькнуло в его тоне. Он пристально посмотрел на нее, затем вдохнул и расправил плечи.

"Боюсь, я не думаю, что это очень хорошая идея, миз Терехов," - сказал он. Она изогнула бровь, и он наклонился вперед в своем кресле. "Конечно вы хотите увидеть своего мужа. И я уверен, он тоже хочет вас видеть. Но мы приняли строгую политику в вопросе, где здесь, в Талботте, размещать связанных с десятым флотом. Ситуация очень зыбкая. Мы не знаем, куда солли нападут в следующий раз, а это значит, что мы не знаем, где будут подразделения леди Золотой Пик."

Вообще то, мы не уверены, где они сейчас на самом деле, учитывая задержки в передаче сообщений. Поэтому мы размещаем всех связанных с флотом здесь, на Шпинделе, а не там, где он развернут. Насколько мне известно, эскадра вашего мужа в Монтане, но на следующей неделе их, возможно, там не будет, и мы не в такой ситуации, которая позволила бы любому из наших подразделений быть привязанным к чему-нибудь в Квадранте. Поэтому, хотя я понимаю ваши причины для ухода отсюда, я думаю, было бы лучше, если бы вы оставались в Шпинделе. Я с удовольствием включу любые личные сообщения от вас к нему в почту на борту нашего следующего курьерского судна, и я уверен, что Квентин Сен-Джеймс пройдет через Шпиндель ... в конце концов."

"Боюсь, я не собираюсь оставаться на Шпинделе," - ответила Шинейд.

"А я боюсь, миз Терехов, что мне придется настаивать. И не только потому, что мы не можем быть уверенными, где ваш муж сейчас. Значительная часть моего возражения - почему-то я не думаю, что он был бы счастлив, если бы знал, что вы преследуете его, пытаетесь догнать. Но - и это настоящая причина того, что все, связанные с десятым флотом в квадранте находятся здесь, в Шпинделе - это самое безопасное место и для вас сейчас. У нас на орбите достаточно ракетных подвесок, чтобы предотвратить все, что солли могут послать, от разрушения нашей обороны."

"Я уверена, что в равной степени будет безопасно на любой планете, защищенной кораблями адмирала Золотой Пик," - сказала Шинейд.

"Возможно это так. Фактически, как только вы доберетесь до Монтаны и благополучно опуститесь на планету, вы, вероятно, будете в порядке," - признал он. "Но прежде чем вы доберетесь до Монтаны, вы окажетесь на борту корабля королевы в зоне военных действий. И,

простите меня за эти слова, миз Терехов, но у меня есть странное подозрение, что если вы по прибытии обнаружите, что эскадра вашего мужа ушла в другое место, вы немедленно отправитесь туда, где бы это "другое место" ни было. И это, я боюсь, приведет вас прямо в зону активных операций."

"У меня есть разрешение Адмиралтейства на поездку на борту Чарльза Варда, адмирал," - сказала она немного холодно.

"Простите, что я указываю на это, но это разрешение было для поездки в Шпиндель, а не в Монтану," - сказал он тоном искреннего сожаления.

"Как командир станции, вы можете продлить это разрешение," - заметила она довольно многозначительно.

"Я могу ... но я не буду." Он снова покачал головой. "Я глубоко восхищаюсь и уважаю вашего мужа, миз Терехов. И я верю, что действительно понимаю, почему вы хотите присоединиться к нему. Но, боюсь, я не могу этого разрешить."

* * *

"Я не могу поверить этому человеку!" Шинейд кипела.

"О, я могу," - сказала Джинджер с другой стороны стола. Дорогой ресторан Тимбла окружал их, как какой-то богатый, тихий кокон, и она фыркнула, когда потянулась за своим бокалом вина. "И, чтобы быть абсолютно честной," - продолжала она, "- я думаю, есть смысл в его аргументах, Шинейд."

"Предательница!" Шинейд погрозила ей пальцем через скатерть. "Не смей приводить все эти "резоны" про это!"

Джинджер усмехнулась и отпила вина, затем выражение ее лица протрезвело.

"Серьезно, Шинейд. Я могу не беспокоиться так же, как это делает адмирал Хумало, но я бы чувствовала себя спокойнее, если вы продолжите движение на пассажирском транспорте. Даже солли не будут умышленно стрелять в безоружный пассажирский корабль, кроме как по ошибке. Но ЧВ - законная цель, и когда все сходят с ума, - черт побери, везде! - действительно есть шанс, что кто-то может подойти и выстрелить. Я не собираюсь встретиться с коммодором и сказать ему, что я позволила вам погибнуть на борту моего корабля."

"Не будь глупой. Во-первых, ничего не случится с "твоим кораблем". Во-вторых, если случится, Айварс никогда не обвинит тебя в моем упрямстве. И, в-третьих, пассажирский транспорт не ходит." Шинейд сердито посмотрела в свой бокал. "Адмирал разгружает всех, кого он может здесь, в Шпинделе, потому что он планирует загрузить их до переборок подкреплениями для адмирала Золотой Пик."

"Ну, что делать." Джинджер пожала плечами. "Я сожалею, и я знаю, как это разочаровывает, но я действительно ничего не могу с этим поделать. И я не буду притворяться, что я полностью сокрушена, что не могу, по всем причинам, о которых уже сказал вам адмирал. Вы мне нравитесь, Шинейд. Вы мне очень нравитесь."

"Спасибо." Голос и глаза Шинейд смягчились. "Я ценю это. Но ни ты, ни Аугустус Хумало не

помешаете мне сделать то, для чего я приехала сюда. Надеюсь, это понятно?"

"Шинейд, как-то я сомневаюсь, что кто-то остановит вас от того, чтобы сделать то, что вы хотели в течение долгого времени," - сказала ей Джинджер. "Но это не значит, что на этот раз флот собирается помочь вам сделать это."

"Тогда мне просто нужно сделать это без флота," - сказала Шинейд сдержанно. "Тем временем, вместо того, чтобы продолжать спорить или ругать тебя за неопределимо коварную поддержку адмирала Хумало, почему бы нам не сделать заказ. Я полагаю, говядина Веллингтон здесь чудесная."

* * *

"Это," - тихо сказал Адам Шимл Филиппу Малому, недавно назначенному персональному телохранителю, "не выглядит хорошо."

Малый, который поднялся до звания лейтенанта в Шотеборских Силах Общественной Безопасности, прежде чем Шимл выбрал его из числа дюжины офицеров, которых Даниэль Капичка лично рекомендовал ему, кивнул. На самом деле, подумал он, у его нового босса был явный дар преуменьшения.

Дождь шел сильный, в планетарной столице Велеград была зима. Температура зависла только на несколько градусов выше нуля, футбольное поле было холодным морем грязи и воды - каждый раз, когда вратарь Воинов Мельника выходил из ворот, брызги летели отовсюду - и игроки были холодными, мокрыми, несчастными ... и больше, чем немного злыми. На самом деле игра должна была быть отложена (или перенесена на один из крытых стадионов), но график плей-офф был уже составлен, и фронт погоды двигался намного быстрее, чем прогнозировали метеорологи и погодные спутники. Фактически солнце ярко светило сквозь собирающиеся облака менее чем за сорок пять минут до начала игры.

И первый дождь пошел через три минуты в первом тайме.

Конечно, погода была не единственное, о чем думал Шимл. Соперничество между Воинами и Львами Велеграда имело древнюю родословную, датированную - буквально, в данном случае - годами, когда система Куманг только была колонизирована, когда Львы были Lvi, а Воины были Válečníci. Это было введшимся в кости и ожесточенным в лучшие времена, каких сегодня не было.

Победитель сегодняшней игры отправлялся в планетарный финал; проигравший возвращался домой, и ни один клуб не был заинтересован в этом, также как их болельщики. Домашняя толпа выражала свое неодобрение организаторам на протяжении большей части второй половины. Тот факт, что Львы вышли в полуфинал, пройдя Драконов Бенешова только из-за гола на чужом поле, не делал местных болельщиков счастливее, потому что в регулярном сезоне их счет с Воинами был один-три ... и поклонники Воинов высказали свое мнение о том, как Львы "проползли" в плей-офф, совершенно ясно.

Игроки на поле не сдерживались. Это была мокрая, резкая, агрессивная игра, и обе команды получили желтые карточки по крайней мере по одному разу. Львы получили три, включая Штепана Юру, их звезду нападения. С места, где сидел Шимл, в его теплой сухой ложе, организаторы отлично справлялись с необычайно трудными обстоятельствами, но он не был удивлен тем, что несдержанные болельщики, сидевшие в холоде, промокшие, не разделяли его мнения.

То, что за две минуты до конца овертайма счет был 2-2, не делал их бодрее. Если Львы не забьют в следующие двадцать секунд, они будут выбиты точно так, как они выбили Драконов, потому что Воины забили семь голов в Велеграде в регулярном сезоне, а Львы только три в Мельнике.

Шимл набрал номер на своем комме.

"Да, Адам," - ответил голос немедленно.

"Я не уверен, что хуже, забьют Львы или нет, Эдуард," - сказал Шимл Эдуарду Климе, директору Сокола по охране и безопасности. "В любом случае все может пойти плохо."

"Нет! Ты думаешь?!" Клима знал Шимла с детства, и его глубокое беспокойство не скрывал его саркастический тон. Шимл услышал глубокий вздох на другом конце линии.

"Я просил полицию Велеграда добавить офицеров," - сказал он. "Они смотрят игру вживую и знают, как идут дела. Комиссар вызвал всех свободных копов и они не допустят беспорядков."

"А наши люди на стадионе?"

"Я передал распоряжения - копам, работающим в толпе и нашим людям - и они готовы закрыть боковые линии если кто-то попытается штурмовать поле. Мы пытаемся получить больше полицейских чтобы прикрыть выходы и по крайней мере пытаться контролировать толпу, если все пойдет плохо, но честно..."

Его голос затих в словесном эквиваленте пожатия плечами, и Шимл вздохнул. Шотеборианские футбольные толпы вообще не были отмечены сдержанностью и спокойствием во время плей-офф. И, к сожалению, фаны Велеграда были еще менее сдержанны, чем большинство. Все это предполагало, что если не -

Из толпы поднялся мощный рев, когда правый край Львов прошел левый фланг Воинов и резко послал мяч Юре. Весь стадион поднялся на ноги, когда нападающий сделал финт в центр, а затем прошел на фланг. Защитник бросился перехватить слепящее пятно движения, грязи и брызг и -

Мяч отскочил, ушел за пределы поля, а Штепан Юра лежал на спине, обеими руками держась за явно сломанную ногу.

Тренеры и медицинский персонал бросились на поле. Потребовалось несколько минут - минут, в течение которых шум толпы грохотал с смешанным гневом и шоком - чтобы наложить шину на ногу Юры, поднять его на антигравы-носилки и вынести его с поля. Наконец пришло время возобновить игру ... и рефери вручил мяч Воинам.

На мгновение шоковая тишина окутала стадион. Затем приветствия и свистки начались со стороны болельщиков Мельника пока толпа фанов Велеграда не поняла, что не только не было назначено пенальти, но и вбрасывание было передано Воинам.

"О, дерьмо," - сказал Эдуард Клима почти разговорно в комме Шимла, и тогда весь ад взорвался.

* * *

"Господи, Зденек!"

Адам Шимл ходил взад-вперед по своему кабинету, как посаженный в клетку неопрятный тигр, отчаянно нуждаясь в бритье, в душе, смене одежды и, по крайней мере, десяти непрерывных часах сна. Он сердито провел пальцами по волосам, выражение его лица было угрожающим, его голос был резким, во многом из-за его явного истощения.

"Какой жуткий кошмар!" Он дернулся. "Футбольный матч был плох, но это -!"

"Без тебя, Адам, было бы намного хуже," - сказал Зденек Вилюшинский. "Гораздо хуже. Я не думаю, что кто-то еще мог сделать так много, чтобы увести их с улиц."

"И это будет чертовски большим утешением для их семей, не так ли?" - прохрипел Шимл, и Вилюшинский был вынужден несчастливо кивнуть.

Беспорядки на стадионе Велеграда быстро распространились. По крайней мере, некоторые из фанатов пронесли контрабандой дубинки мимо охраны - Климе и полиции Велеграда задавали очень жесткие вопросы о том, как это произошло, - но было много пивных бутылок и дополнительных сидений для использования в качестве импровизированного оружия. А затем беспорядки на стадионе вылились на улицы столицы. Повторное видео инцидента, которое ясно показало, что Юра скользнул по ненадежному полю и упал без какого-либо контакта между ним и любым защитником или мячом, не помогло остановить это ... особенно когда какой-то сторонник Львов объявил, что видео очевидно создано компьютером, чтобы оправдать страшные последствия! Безумие, жертвой которого могли стать фанатичные болельщики, никогда не переставало удивлять Адама Шимла даже после всех этих лет.

Но как только буйство ударило по улицам, оно только выросло в ярости, и поспешно собранная полиция вышла навстречу. К сожалению, никто не видел приближающегося безумия. Копы не были предупреждены заранее, их с самого начала было слишком мало на дежурстве, чтобы прибыть в отделения, составляющие планы контроля над беспорядками. Они сделали все возможное, Шимл знал ... и, во многих случаях, они просто с трудом пробивались к месту. Автомобили и трамваи были опрокинуты, окна разбиты, разграблены магазины и предприятия. Затем начались поджоги.

И тогда Ян Кабрнох приказал Даниэлю Капичке развернуть Силы безопасности чтобы помочь городской полиции и "восстановить спокойствие и общественный порядок".

К его чести, Капичка возражал, но Кабрнох просто повторил приказ. И, как боялся Капичка, - а Шимл мог предсказать, - после появления на улицах столицы людей в форме ШСОБ, то, что было буйством разъяренных спортивных болельщиков, стало чем-то совсем другим. Все возмущение, которое накопилось после демонстрации на Площади Желтых Роз, взорвалось, и впервые за много лет мятежники - обычные граждане, многие из которых не были на стадионе, - на самом деле атаковали ШСОБ голыми руками.

Шимл и руководство Сокола делало все возможное, чтобы остановить беспорядки. Они были повсюду, с Шимлом во главе, помогая бороться с пожарами, помогая медицинским командам, призывая через мегафоны и в общественных советах к спокойствию, умоляя мятежников просто вернуться домой к своим семьям. Они спали урывками и очень мало. Лицо и туловище Шимла были в синяках, когда он вмешался в одну из схваток и был растоптан за его усилия.

"Три дня, Зденек! Три дня!" Он буквально дрожал от гнева. "Если бы этот идиот - нет, если бы этот гребанный убийца - не отправил Безопасность в это месиво, мы могли бы ... мы могли бы - !"

Слова оставили его, и он ударил стул ногой так что тот пролетел по кабинету, врезался в стену и отскочил назад, а Адам грязно выругался. Затем он повернулся лицом к своему старому другу.

"Триста восемьдесят семь убитых," - прорычал он. "Это по официальному счету, но мы с тобой чертовски хорошо знаем, что это меньше, чем на самом деле. И даже Кабрнох признает в четыре раза больше тяжело раненых! Бог знает, сколько еще пострадавших не обратились в больницу посреди всего этого! И этот ублюдок в президентском дворце все еще подает это, как вышедших из под контроля любителей спорта и головорезов." Его губы немного поработали, и он на самом деле плюнул на пол. "О, там были "неконтролируемые головорезы", и большинство ублюдков были в форме! Я, черт возьми, убью этот жалкий кусок дерьма собственными руками!"

Виллюшинский взглянул на Филиппа Малого, который стоял возле стены рядом с дверью офиса и внимательно слушал. Выражение молодого человека было таким же угрожающим, как у Шимла, что было неудивительно, так как была очень веская причина, по которой Шимл выбрал его из всех кандидатов Капички. Лейтенант ШСОБ или нет, Малый уже более пяти лет был членом Искры.

"Адам, пожалуйста. Сделай глубокий вдох."

"Сделать глубокий вдох?!" Шимл недоверчиво посмотрел на него, и Виллюшинский оттолкнулся от своего стула и посмотрел на него.

"Да," - сказал он резко. "Я знаю, ты в ярости, и я так же взбешен, не думай, что это не так! Но я также знаю, насколько ты измучен. Ты плохо соображаешь, и Бог знает, у тебя есть все основания для этого! Но ты должен себя контролировать. Если ты этого не сделаешь, если ты потеряешь самоконтроль и открыто атакуешь Кабрноха сейчас, что случится с Искрой и всеми в ней?"

Шимл уставился на него, и Виллюшинский быстро надавил.

"Я знаю, ты никогда не хотел, чтобы что-то произошло, но ты должен признать возможность этого."

"Возможность? Какая возможность?" - потребовал Шимл, и Виллюшинский глубоко вздохнул. Это было признаком усталости и ярости Шимла, для которой он еще не видел выхода, подумал Виллюшинский.

"Есть пять вещей, которые тебе нужно учитывать," - сказал он. "Во-первых, этот кошмар довел оппозицию Кабрноху до кипения. В ближайшие несколько недель он может немного остыть, но все-таки сохранится достаточно долгое время. Во-вторых, Сабатино и Кастельбранко поймут это так же ясно, как поняли ты и я, - и Кабрнох. В-третьих, ты сделал больше - ты и Сокол - чтобы заставить людей покинуть улицу и вытащить раненых из этой чертовой кучи, чем кто-либо другой на этой чертовой планете. И, в-четвертых, из-за этого на данный момент ты самый популярный человек в звездной системе. Я знаю, что это не тот путь, который ты бы выбрал для этого, но это уже случилось, Адам. И это мой пятый пункт, потому что теперь, когда он есть, ты должен контролировать себя. Ты должен стать голосом спокойного разума. Потому что я не могу придумать ничего, что могло бы помочь лучше убедить Сабатино, что у Кабрноха неприятности ... и что ты, безусловно, лучший кандидат, чтобы заменить его."